

ОТ НЕМАНА ДО СМОЛЕНСКА: НАЧАЛО РУССКОЙ КАМПАНИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СОЛДАТ ВЕЛИКОЙ АРМИИ НАПОЛЕОНА¹

В статье сделана попытка, обратившись к трансформации представлений солдат Великой армии на начальном этапе русского похода, проследить истоки формирования западноевропейской памяти о кампании 1812 г. Автор приходит к выводу, что относительное единство памяти солдат армии Наполеона о событиях 1812 г. продиктовано рядом факторов. Еще до начала открытия военных действий большую роль сыграла официальная пропаганда, которая способствовала стереотипности представлений французских солдат о неприятеле. Однако погружение солдат Великой армии в российскую действительность стало менять их изначальные представления. Если в самом начале кампании солдаты верили в идею спасения поляков, стонущих под гнетом русского царя, то вскоре благодаря начавшимся контактам с населением «русской Польши» они быстро разочаровались в благородстве своей миссии. Теперь война, которая явно затягивалась благодаря «скифской» тактике русских, становилась для наполеоновских солдат символом борьбы с варварством. Для большинства чинов, не посвященных в планы и подробности действий Великой армии, единственным, что вскоре осталось – это вера в гений своего императора.

Ключевые слова: историческая память, русская кампания 1812 г., стереотипы, межкультурное взаимодействие

Изучение проблем формирования и трансформации исторической памяти открывает в последние годы неожиданные аспекты в интерпретации событий прошлого. Так, обращение к одной из новых книг А. Ассман, в которой был поставлен вопрос о возможном «кризисе мемориальной культуры» в современной Европе, когда стремление создать единую память приводит к обратному процессу – процессу разъединения общества², привел нас к поиску истоков единой памяти и прояснению условий, в которых эта память формировалась. Полагаем, это поможет выявить функциональные возможности памяти для современного общества, либо, что не исключаем, потенциальный вред для него.

Единой мемориальной европейской версии русской кампании Наполеона на сегодня не существует. Она представлена отдельными национальными традициями, которые, тем не менее, неоднократно, во многом искусственно, пытались соединить в ходе процессов евроинтеграции. В ходе подобных попыток становилось все более очевидным, что главными потенциальными носителями единой европейской памяти тогда, в 1812 г., были солдаты армии Наполеона. При этом восприятие событий солдатами во многом зависело от их личного опыта. Но не только. Вполне логично допустить, что к началу кампании в сознании многих солдат армии Наполеона уже существовал сформированный

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00053 «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях»)

² Ассман 2016.

прежде всего официальной пропагандой набор стереотипов о России и о причинах конфликта с ней. Диалектика войны в любые времена диктовала необходимость конструирования образа врага как ключевого элемента пропаганды. Публицистика, как основной элемент информационной войны в те годы, последовательно подготавливала общество к мысли о том, что Франция планирует справедливую войну против «варваров», которая впишет еще одну строку в героическую историю страны³.

В ходе подготовки войны с Россией французские военные и правительственные аналитики готовили многочисленные обзоры регионов России, выявляя их специфические национальные особенности. Сохранившаяся во французских архивах подобная документация определенно свидетельствует о тщательной подготовке военного и политического руководства к предстоящей военной операции⁴. Вместе с тем личная переписка чинов Великой армии открывает для нас совершенно иной аспект данной проблемы. По всей видимости, для основной части участников похода русская кампания вплоть до июня 1812 г. не была заранее предопределенным событием. Солдаты оставались в неведении относительно направления движения Великой армии, предполагая всевозможные версии. Так, капитан гвардейской артиллерии А.О.Ф. Пьон де Лош в письме отцу от 22 марта 1812 г. не смог сдержать своего недоумения, граничащего с возмущением, тем, что армия, как он полагал, идет по Пруссии без определенного направления и без цели. Только 28 марта, дойдя до Майнца, он наконец-то высказал предположение, основанное на слухах, что, возможно, армия идет в Россию. Размышляя о возможных причинах конфликта, он написал следующее: «... Император России старался ориентироваться на сохранение хороших отношений с нами, но его Сенат, напротив, хочет восстановить торговые отношения с Англией»⁵. Свои размышления он закончил саркастичным замечанием в адрес командования Великой армии, предложив пойти в Индию, чтобы тем самым нанести сокрушительный удар по Англии.

Однако информация о возможности войны с Россией все же проникала в офицерскую среду и, ожидая конфликта, чины Великой армии пытались представить образ будущего неприятеля. К примеру, капитан А.М. Дюпан 10 апреля 1812 г. написал отцу: «Русские жестокий и твердый народ». Но он, как и многие другие, не мог понять смысл данной войны: «Что нас ждет этой зимой, если мы съедим все наши запасы? Что мы ожидаем в войне с русскими? Зная уже эту страну, [можно предположить, что] мы потратим гораздо больше ресурсов, чем приобретем»⁶. Следующее письмо отцу капитан написал только 26 декабря 1812 г. Его ожидания отчасти оправдались: «Я наконец покинул Россию, это вар-

³ Le Moniteur universel Juillet. Наиболее глубоко изучил проблему формирования образа России в представлении солдат Великой армии Н.В. Промыслов (Промыслов 2016).

⁴ См.: SHD. 1M 1487, 1 M 1489.

⁵ Pion des Loches 1889: 534.

⁶ Roucaud, Houdecek 2012: 57, 59.

варское место; бедные крестьяне, их не щадит собственная власть. Один крестьянин сделал мне ботинки из овчины и отдал часть своей одежды. Все это мне очень помогло, но я не мог никак отблагодарить его»⁷. Подобные настроения о бессмысленности происходившей войны разделял военный комиссар Л.Г. Пуибюск: «Мне хочется верить, что мы не станем жертвовать последними человеческими ресурсами ради удовлетворения политических амбиций»⁸.

В начале войны армейские чины успокаивали себя мыслью о скором завершении конфликта с Россией⁹. Ориентируясь на правительственную прессу, они были уверены, что война закончится в «русской Польше». Так, «Журналь д'Амбир», цитируя бюллетень Великой армии, писал 5 июля: «Солдаты, мы начинаем вторую польскую войну. Первая закончилась в Тильзите, где Россия поклялась в вечном союзе с Францией против Англии. Она нарушила договор и не дает никаких объяснений такого странного поведения. Она поставила нас между выбором позора или войны. Для Франции выбор очевиден, мы пойдем вперед и принесем войну на территорию этой страны»¹⁰.

В начале войны французская печать продолжала создавать в умах читателей образ угнетаемых поляков, жаждущих свободы. Без устали приводились примеры жестокого обращения русских властей с поляками, говорилось о негативном влиянии политики Петербурга на экономическое и политическое развитие польских территорий¹¹. Мысли о спасительной миссии вдохновляли французов, и столь благородная цель – освобождение угнетенного народа – становилась для них самым смыслом войны. Пьен де Лош, к примеру, в одном из писем отметил, что Великая армия призвана положить предел устрашающей агрессии со стороны русского императора по отношению к полякам¹².

Первые впечатления при вступлении на территорию «русской Польши» убеждали чинов Великой армии в справедливости их намерений. Они были поражены энтузиазмом, с которым поляки встретили Наполеона, и это, помимо прочего, заставило их верить в скорое окончание кампании. Генерал-адъютант императора Ж. Мутон так описал вступление армии в Вильно: «Мы прибыли в столицу Литвы. Поляки кажутся очень восторженными, они демонстрируют высокую степень жертвенности по отношению к императору. Эта война при такой расстановке сил, ко всеобщему счастью, не будет долгой. Мы за эти несколько дней очень сильно устали. Все, что у нас осталось, – вера в нашего императора»¹³.

⁷ Ibid: 62.

⁸ Puibusque 1817: 6.

⁹ «Я надеюсь, что император нанесет удар в самом начале кампании, и восстановление Польши будет не долгим». Пьон де Лош, 26 мая // Pion des Loche: 282.

¹⁰ Le Journal de l'Empire. 5 juillet.

¹¹ Ibidem.

¹² Pion des Loches: 284.

¹³ Цит. по: Boudon 2012: 31.

По мере захвата территорий французы стали формировать в крупных городах органы местной администрации, что до известной степени помогало им решать проблемы с продовольствием и размещением раненых¹⁴. На западных территориях Российской империи делались систематические попытки установить тесные отношения с польским населением. Когда 1-й армейский корпус занял Минск, маршал Л.Н. Даву в своем обращении к жителям подчеркнул, что французская армия стремится к освобождению польского Отечества. И эта идея фигурировала почти в каждом выпуске «Минской газеты», которую стала выпускать новая профранцузская администрация. Газета так описала вступление Великой армии в Минск: «Этот исторический день освободил нашу провинцию от невольничьего ярма и возвратил нас Отчизне»¹⁵. Однако иллюзии, которыми тешили себя французы насчет энтузиазма польского населения, вскоре стали развеиваться по мере более глубокого знакомства с социальными реалиями «освобожденных» территорий. Французские солдаты приходили к пониманию того, что только часть местного населения была готова встретить французов как «освободителей», другая же часть жителей восприняла их в качестве захватчиков. Солдаты с удивлением обнаружили, что местные крестьяне, по всей видимости, вполне довольны своим «рабским положением»¹⁶. Так при погружении в социальную реальность «русской Польши», у солдат стали зарождаться сомнения в «благородстве» целей начавшейся войны.

Наибольшее недоумение вызывал то, что польские аристократы, которых они пришли «освободить», живут вполне достойно и свободно, в то время как местные крестьяне пребывают в рабстве, страдая от гнета своих сеньоров¹⁷. Под впечатлением от увиденного у солдат воз-

¹⁴ К примеру, обер-штальмейстер императора А.О.Л. Коленкур сообщал Наполеону из Витебска: «Были учреждены больницы для раненных французов и русских. Мертвые люди и лошади захоронены. Крестьяне отказываются повиноваться своим сеньорам» (Fabry 1903: 8).

¹⁵ Tycmz. Gaz. Mińska. Mińsk № 1: 10.

¹⁶ «Местные жители постоянно угрожают нам, они все еще привержены своему новому государству. Наш разум сопротивляется идее их освобождения». Вильно 16 июля 1812 г. // SHD. 2:128).

¹⁷ «Мы прибыли в несчастную страну Польшу, в которой умираем от голода. Давайте оставим наши иллюзии и реально посмотрим на жителей этой страны. Их привычки очень странные, несмотря на то, что они признают католическую религию, и их дома заполнены изображениями святых. Между тем, эти люди способны причинить вред, они находятся в постоянном рабстве у барона. Он их кормит и дает им жилище» (Lettre d'un capitaine Jean Breaute 1922: 536); «28-го мы вошли в Вильно, это большая красивая столица Литвы. Русские жгли продовольствие и вынуждали жителей уходить из селений в поисках пропитания. Несколько дней мы формировали администрацию на территории старой Польши. Мы наблюдали любопытную картину сочетания дворцов дворян, их живописности и бедных лачуг крестьян. Среди населения нам встретилось много бедных евреев, на общем облике и лицах которых лежало клеймо отверженности» (Походный журнал су-лейтенанта Дюке // SHD. 1К 196). «Мы сейчас без хлеба, мы давно не видели мяса, и мы проводим ночи на земле; эти проклятые русские убегают от нас столь быстро. Мы еще не сражались, но ду-

ник закономерный вопрос – кого они пришли освобождать в Польше? Их первоначальные представления о своей освободительной миссии, сформированные прежними стереотипами, подкрепленными официальной пропагандой, развеялись от соприкосновения с действительностью.

Несмотря на разочарования подобного рода уже в начале кампании, основная часть участников все же тешила себя надеждой на скорое заключение мира¹⁸. Эти надежды подкреплялись сообщениями об отступлении русской армии¹⁹. Генерал О.Ф.Б. Себастьяни отмечал в те дни: «Мы не видим врага вблизи и находимся в ожидании. Мы добились цели, которую перед собой ставили, и это замечательный результат кампании. Вся вражеская армия отступает»²⁰. Подобные настроения разделяла фактически вся армия. Однако спустя несколько недель, проведенных в ожидании решающего сражения и заключения мира, солдаты начали допускать мысль о возможности затяжной войны. Это вызывало чувство раздражения и даже негодование по поводу действий русской армии, а это, в свою очередь, усиливало представления о «варварстве» противника. «Русские не ожидали нас возле Немана, они сконцентрировались в Вильно. Они сожгли продовольствие и отступили. Трудно планировать сражение, когда эти господа предпочитают отступать», – выражал свое возмущение действиями противника генерал Компан²¹. Тактика отступления русской армии привела к появлению среди наполеоновских чинов мнения о том, что они изначально серьезно переоценили боеспособность русской армии, «увидев великанов в этих пигмеях»²². Конечно, высказывались и иные предположения по поводу причин отступления противника. Некоторые из чинов даже допускали мысль, что

маю, что этот счастливый момент настанет. Русская Польша – дикость. Они все ходят почти голыми, их одежда из звериной кожи. Их дома – это несчастные халупы, у которых нет ни дверей, ни окон» (Lettre d'un capitain Jean Breatut: 540); «Поляки нас ожидают с симпатией в надежде на восстановление своей независимости и свободы. Им все равно, сколько будет для нас стоить их освобождение» (Puibusque: 18).

¹⁸ «Мы скоро заключим мир с русскими. Русские войска не смогли собрать силы и беспорядочно отступили к Вильно» (Наполеон - маршалу Л.А. Бертье, Гумбинен, 20 июня 1812 г. // *Correspondance générale de Napoléon Bonaparte* 2012: 752).

¹⁹ «Хочу сообщить хорошие новости военному министру. Первые столкновения с неприятелем привели к положительным результатам. Мы взяли очень много военнопленных» (SHD. 2: 128). «Все солдаты сообщают хорошие новости своим родственникам, чтобы они не беспокоились; эта война скоро завершится. Русские решили, наконец, уклониться от сражений» (Капитан П. Дальей своему другу, 11 июля 1812 // Boudon: 36). «Россия – лесная страна, это способствует тому, что казаки быстро скрываются, их тактика состоит в том, чтобы изводить армию Наполеона без фронтальной атаки. Они представляют опасность для одиночных людей, небольших групп солдат. В лесах очень сложно установить сообщение между армейскими частями» (Генерал Э. Груши – маршалу Л.А. Бертье. По дороге в Витебск, 30 июля 1812 г. // Fabry: 50).

²⁰ Генерал О.Ф.Б. Себастьяни – генералу Л.П. Монбрену, 17 июля 1812 // Boudon: 42.

²¹ Ternaux-Compans: 153.

²² «Конечно, война на этом не закончится. Я проявил робость, увидев великанов в этих пигмеях» (генерал Ж.Л. Жилли герцогу Падуанскому Ж.Т. Арриги де Казанова. 16 июля, Флиссинген // SHD. 2: 128)

подобное поведение связано с заранее продуманным ожиданием со стороны русских гибели Великой армии от голода и холода²³.

Подобные обстоятельства заставили многих солдат в очередной раз усомниться в необходимости начала этой войны и задаваться вопросом: неужели они вступили в Россию только для того, чтобы следовать за отступающей армией, которая разоряет свою собственную территорию?²⁴ Все чаще приходила мысль о том, что эта война есть ни что иное как бесполезная «игра» с Россией, в то время, как следует воевать с Англией²⁵. Подобные настроения усугублялись серьезными проблемами с продовольствием, возникшими уже в начале кампании²⁶.

На территории Белоруссии солдаты продолжили свое знакомство с российской действительностью. По сравнению с «русской Польшей», теперь их еще в большей степени поразила бедность, опустошенность городов, множество евреев, умирающих и уже умерших от голода. Под впечатлением подобных картин су-лейтенант Дюке написал: «Мы стали понимать, что движемся к катастрофе. Мы не знаем, что ожидать от этой войны в сравнении с другими войнами. Я удивляюсь, что русский император не замечает бедность своего народа»²⁷.

Во все более усугублявшейся ситуации неопределенности будущего, солдаты стали утешать себя мыслями о вере в императора, в неизбежности успешного окончания военной операции, размышлениями о направлении дальнейшего движения армии (высказывались предположения о движении на Москву, либо на Санкт-Петербург)²⁸. Своеобразным терапевтическим средством, хотя бы частично снимающим раздражение и недовольство ходом кампании, стало все чаще встречающееся в письмах французов выражение ненависти по отношению к неприятелю, образ которого приобретает все более варварские черты.

²³ «Я думаю, что враг ждет, что мы умрем от голода и холода» (Pion des Loches: 287).

²⁴ «Казачи, отступая, сжигали деревянные мосты. Видимо, смысл этой кампании в следовании за отступающими казаками» (Походный журнал су-лейтенанта Дюке // SHD. 1К 196). «Вильно – красивый город, столица Литвы. Мы могли бы найти значительные ресурсы, если бы русские не сожгли свои магазины. Враг разбегается по окрестностям, по возможности, сжигая ресурсы» (Roucaud, Houdecsek: 61).

²⁵ Puibusque: 13.

²⁶ «Солдаты являют храбрость во время движения по этой стране, в которой нам пришлось преодолеть значительные препятствия. Неприятель уничтожает все возможные ресурсы. Самые худшие впечатления оставляют встречи с местным населением, которое сбегает в леса» (SHD. 2: 128). Генералу Буто, командующему 34-й дивизии, 16 июля // SHD. 2: 128). «Мы испытываем ужасные трудности, артиллерия движется с трудом, мы потеряли много лошадей. Мы не теряем надежду найти хотя бы немного хлеба для людей» (Генерал Э.М.А. Нансути – маршалу Л.А. Бертье. 30 июня 1812 г. //Ibidem).

²⁷ Походный журнал су-лейтенанта Дюке // SHD. 1К 196.

²⁸ «В сложившихся обстоятельствах мы, видимо, пойдем на Москву или на Санкт-Петербург, но возможно враг все же решится на активные действия» (генералу Ж.Л.Э. Ренье. Глубокое, 22 июля 1812 г.// SHD. 2: 128); «Русские генералы бросают в опасности собственных жителей. Необходимо верить, что великая операция завершится успехом» (24 июля Ренье // Ibidem).

Теперь чины Великой армии обращают внимание в своих письмах не на освободительную составляющую войны, а на то, как русская армия опустошает собственную территорию и в сколь рабском положении находится местное население²⁹.

Надежды на завершение кампании связывали со сражением под Смоленском: «Мы еще не участвовали в крупных сражениях. Но надеемся, что со дня на день произойдет большое сражение: мы движемся по России, и мы сейчас под стенами Смоленска. С нами Бог!» – писал полковник А. Друо³⁰. Смоленское сражение оставило в памяти большинства французских солдат, главным образом, воспоминания о проявленном под стенами этого города героизме их армии³¹. Во всяком случае, они были несколько вознаграждены найденными в городе продовольственными запасами³². Затем они обзрели окрестности и запечатлели свои впечатления от увиденного в письмах и дневниках. Воспоминания основной части участников похода свелись к видам опустошенного и горящего города³³. Исход большинства жителей не мог их не поразить: «Все буржуа покинули город вместе со своими повозками, в ближайших окрестностях остались только крестьяне, скрывшиеся в лесах»³⁴.

Осмотреть город не удалось, так как солдаты, согласно приказу, были вынуждены расположиться у стен Смоленска, на открытом пространстве. Устраиваясь на ночлег, они стали сооружать шалаши. Восторг от победы быстро покинул солдат, теперь они думали о насущных проблемах – о своем ночлеге и пропитании. Тем более, что уже в первый день найденные в городе продовольственные запасы были съедены. Л.Г. Пюибюск написал: «Несколько дней раздача провианта становится весьма беспорядочной: сухари все вышли, вина и водки нет ни капли, люди питаются одной говядиной за счет скота, отнятого у жителей города и окрестных деревень. Но и мясо надолго не хватит, так как жители

²⁹ «Все церкви и магазины были разграблены. Все вокруг в руинах» (генералу Э.Ж.Ж.А. Макдональду, 2 августа 1812 г. // SHD. 2: 129); «Крестьяне деревень нападают на нашу армию, разрушая собственные дома и уничтожая ресурсы. Все вокруг в руинах» (Макдональду. 3 августа. См. также: Ternaux-Compans: 160.

³⁰ Boudon 2012: 56.

³¹ SHD. 2: 129; Boudon: 58.

³² Шеф батальона 15-го полка лёгкой пехоты А. Кудро своему брату Смоленск, 25 августа 1812 г. // SHD. 2: 129.

³³ «Этот город был разрушен русскими, все было обращено в руины. Никогда мы не видели ничего более грустного, чем эта ужасная картина. Меланхолия охватила солдат всех чинов. Мы разбили бивак недалеко. Маленькая группа офицеров начала сооружать шалаш. Один из их слуг нашел дверь и половицы от пола. Солдаты очень устали» (Походный журнал су-лейтенанта Дюке // SHD. 1 K 196). «В особенно мрачном и страшном виде предстала перед нами внутренность этого несчастного города. Ни разу с самого начала военных действий мы еще не видели таких картин; мы ими глубоко потрясены. При звуках военной музыки, с гордым и в то же время нахмуренным видом проходим мы среди этих развалин, где валяются только несчастные русские раненые, покрытые кровью и грязью. ...Город кажется покинутым» (Ц. Ложье // Наполеон в России глазами иностранцев 2004. С. 144).

³⁴ AN. AF IV 1645.

при нашем приближении разбегаются и уносят с собою все, что только могут взять и скрываются в густых, почти непреступных, лесах»³⁵. Под впечатлением от вида совершенно измотанной армии, Пюибюск написал: «Именно в таком виде явился перед нами фатум, который мы ощутили в ходе этой войны; зачем мы пришли на край Европы? Может, это просто мания завоевания, ненасытная жажда господства?»³⁶. По словам участников событий, уже осознавших на тот момент, что в Смоленске война не завершится, армия погрузилась в «глубокую меланхолию и молчание», которые обычно не были свойственны победителям³⁷.

Теперь идея о бессмысленности войны прочно заняла головы многих участников похода, в особенности тех, кто покинул Смоленск и продолжил движение вместе с Наполеоном далее на восток. Капитан Ж. Бро следующим образом подытожил ход событий: «Мы наивно полагали, что сражение под Смоленском, наконец-то, завершит кампанию. Русские теперь скажут, что их покинул Бог, так как они очень его почитают. Однако мы продолжили движение вглубь России»³⁸.

Участники похода вновь пытаются связать свои надежды с ожиданием крупного сражения, которым в конечном итоге станет битва при Москве-реке. 3 сентября генерал Ф.Р. Ледрю дес Эссарт пишет своему брату из Гжатска: «Русские готовы принять сражение; они заняли боевую позицию; через два или три дня у нас будет очередная Аустерлиц»³⁹. Столь же решительно был настроен в тот день и генерал Компан. «Мой долг сделать все, что в моих силах для защиты моего вождя и моей страны», – написал он своей жене⁴⁰.

Подведем итоги. Формирование относительно единой памяти солдат Великой армии о русском походе диктовалось несколькими факторами. Еще до открытия военных действий большую роль сыграла официальная пропаганда, которая способствовала созданию идейной стереотипности представлений французских солдат о неприятеле. Однако погружение солдат Великой армии в российскую действительность стало менять их изначальные представления. Если в самом начале кампании солдаты верили в идею спасения поляков, стонущих под гнетом русского царя, то вскоре благодаря начавшимся контактам с населением «русской Польши» они быстро разочаровались в благородстве своей миссии. Теперь война, которая явно затягивалась благодаря «скифской» тактике русских, становилась для наполеоновских солдат символом борьбы с варварством. Для большинства чинов, не посвященных в пла-

³⁵ Puibusque: 12.

³⁶ Ibid: 59.

³⁷ «Русские разрушают свои города, это ужасное зрелище. Никогда мы еще не видели столь страшных разрушений. Охватившее нас чувство меланхолии проявляется во всеобщей молчаливости. Эта война уже принесла много горя для нашей армии» (Генерал Б.Э. Деруа – королю Баварии. 11 августа 1812 г.// SHD. 2: 128).

³⁸ Lettre d'un capitain Jean Breat: 538.

³⁹ Boudon: 64.

⁴⁰ Ternaux-Compans: 171.

ны и подробности действий Великой армии, единственным, что вскоре осталось – это вера в гений своего императора.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с. [Assman A. *Novoe nedovol'stvo memorial'noj kul'turoj*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 232 p.]
- Наполеон в России глазами иностранцев. М.: Захаров, 2004. 560 с. [Napoleon v Rossii glazami inostrancev. Moskva: Zaharov, 2004. 560 p.]
- Промыслов Н.В. Французское общественное мнение о России накануне и ввремя войны 1812 года. М.: РОССПЭН, 2016. 254 с. [Promyslov N.V. *Francuzskoe obshchestvennoe mnenie o Rossii nakunane i vvremya vojny 1812 goda*. Moskva: ROSSPEN, 2016. 254 p.]
- Archives nationales (AN). AF IV 1645.
- Boudon J.O. *Lettres de la campagne de Russie*. P.: Pierre de Taillac, 2012. 362 p.
- Correspondance générale de Napoléon Bonaparte. P.: Fayard, 2012. T. 12. 956 p.
- Fabry G. *Campagne de Russie 1 aout – 10 aout*. P.: IMPRIMEURS-ÉDITEURS, 1903. 456 p.
- Le Moniteur universel. 1812. Juillet. 35 p.
- Lettre d'un capitain Jean Breaut // *Revue des études historiques*. P.: A. Picard, 1922. 257 p.
- Le Journal de l'Empire. 1812. 5 juillet. 12 p.
- Puibusque L.V. *Lettres sur la guerre de Russie en 1812*. P.: Libraires pour l'art militaire, 1817. 306 p.
- Pion des Loches A.F. *Mes campagnes 1792-1815*. P.: Firmin-Didot, 1889. 224 p.
- Roucaud M., Houdecek F. *Du Niemen à la Bèrèzina*. P.: Service historique de la Défense, 2012. 292 p.
- Service historique de la Défense (SHD). 1M 1487, 1 M 1489, 2 C 128, 2 C 129, 1K 196.
- Tymcz. *Gaz. Mińska*. Mińsk, 1812. № 1. 36 p.
- Ternaux-Compans H. *Le généralar Compans d'après ses notes de campagnes et sa correspondance de 1812 – 1813*. P.: LIBRAIRIE PLON, 1912. 390 p.

Постникова Алёна Александровна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, доцент, кафедра всеобщей истории, Уральский государственный педагогический университет, alina33_07_87@mail.ru

From Neman to Smolensk: the beginning of the Russian campaign in the representations of the soldiers of Napoleon's Great army

In article the attempt is made, having addressed transformation of representations of soldiers of Great army at the initial stage of the Russian campaign, to track sources of formation of the Western European memory of a campaign of 1812. The author comes to a conclusion that the relative unity of memory of soldiers of army of Napoleon of events of 1812 was dictated by a number of factors. So, even prior to opening of military operations the big role was played by official promotion which promoted creation of ideological stereotype of ideas of the French soldiers of the enemy. However immersion of soldiers of Great army in the Russian reality began to change their initial representations. If at the very beginning of the campaign soldiers believed in the idea of rescue of the Poles groaning under oppression of the Russian tsar, then soon thanks to the begun contacts with the population of "the Russian Poland" they quickly were disappointed in nobility of the mission. Now war which obviously dragged on thanks to "Scythian" tactics of Russians became a symbol of fight against barbarity for Napoleonic soldiers. For the majority of the ranks which are not devoted in plans and details of actions of Great army, the only thing that soon remained it is belief in the genius of the emperor.

Keywords: *historical memory, Russian campaign, stereotypes, cross-cultural interaction*

Alena Postnikova, PhD (History), Senior Researcher UrFU, Associate Professor, Chair of General History UrGPU, alina33_07_87@mail.ru